

УДК 330.342+330.11

JEL O10

DOI: 10.17213/2312-6469-2019-5-43-56

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА – ЭКОНОМИКА РИСКОВ

© С.Ю. Солодовников 2019

*Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь*

Статья посвящена теоретическому обоснованию новой социальной парадигмы – экономике рисков. Современный этап развития общества и экономики характеризуется критическим нарастанием финансовых, технико-технологических, политико-экономических, геоэкономических и других неопределенностей. Понять их онтологическую природу и раскрыть феноменологическую специфику нельзя без содержательного определения нынешней стадии развития экономической системы общества. В статье последовательно раскрыты характеристики современного общества, что позволило автору представить новый политико-экономический концепт, характеризующий современный этап развития общества и экономики, – экономику рисков. Экономика рисков – это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. Эти риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе непредсказуемы и их возможные негативные последствия могут привести человечество к глобальной катастрофе. Понимание природы экономики рисков критически важно для выработки действенных политико-экономических механизмов противостояния этим рискам.

Ключевые слова: *экономическая теория, политическая экономия, постиндустриальное общество, риски, экономическая система общества, экономика рисков, рынок, экономический кризис, интересы, технологические инновации, глобальные финансы, общественно-функциональные технологии.*

CURRENT ECONOMY – RISK ECONOMY

© S.Yu. Solodovnicov 2019

*Belarusian National Technical University,
Minsk, Republic of Belarus*

The article is devoted to the theoretical substantiation of a new social paradigm – risk economy. The current stage of society development and the economy is characterized by a critical increase in financial, technological and technological, political and economic, geo-economic and other uncertainties. It is impossible to understand their ontological nature and reveal the phenomenological specificity without a meaningful definition of the current stage of development of the economic system of society. The article consistently revealed the char-

acteristics of current society, which allowed the author to present a new political and economic concept that characterizes the current stage of development of society and the economy – the risk economy. The risk economy is an economy of high-tech and knowledge-intensive industries, characterized by the highest degree of political, economic, technological, financial and environmental uncertainties and risks. These risks are becoming comprehensive, many of them are in principle unpredictable, and their possible negative consequences could lead Humanity to a global catastrophe. Understanding the nature of risk economics is critically important for developing effective political and economic mechanisms to counter these risks.

Key words: *economic theory, political economy, post-industrial society, risks, economic system of society, risk economy, market, economic crisis, interests, technological innovations, global finance, social-functional technologies.*

Введение

В последние десятилетия в мире произошли радикальные технологические изменения, по своему влиянию на эволюцию человечества сопоставимые только с неолитической революцией. Глобальная социально-технологическая революция, свидетелями и участниками которой мы все являемся, по своему значению и последствиям затмевает те лежащие на поверхности проблемы и вызовы, с которыми столкнулось сегодня человечество, страны и народы.

Действительно, в современном мире нарушено геополитическое и политико-экономическое равновесие, сформировался однополярный мир и усиливается борьба за все виды ресурсов. Человечество быстро входит в новую эпоху, содержательно охарактеризовать которую современная экономическая наука оказалась не в состоянии. Сказать, что последняя находится сегодня в гносеологическом кризисе, – не сказать ничего! Ж. Бодрийяр категорически заявляет: «политическая экономия кончается на наших глазах, превращаясь в трансэкономику спекуляции, которая забавляется своей собственной логикой – закон стоимости, законы рынка, производство, прибавочная стоимость, классическая логика капитала, но которая не несет в себе более ничего экономического или политического. Это – чистая игра с изменчивыми и произвольными правилами, катастрофическая игра» [1, с. 53].

По существу, сегодня правомерно говорить о гносеологической катастрофе экономической науки, которая оказалась неспособной содержательно ответить на два главных фундаментальных вопроса политической экономии: в какой экономической системе человечество сегодня живет, и какие интересы ее детерминируют? Только после ответа на эти вопросы по существу можно объективно (политически не ангажировано) отвечать на такие частные вопросы как, например: Выживет ли человечество в XXI веке? Можно ли в условиях постоянного роста населения реализовать концепцию устойчивого развития? Насколько близка Объединенная Европа к социальной катастрофе? Не правда ли, нам, современным экономистам, странно читать такое, ведь намного привычнее исследовать макроэкономическую динамику, хеджирование валютных рисков, венчурное финанси-

вание и т.д. Безусловно, все это можно и надо делать и это приносит (или может принести) сегодня вполне ощутимую пользу. Но если мы, экономисты, занимаемся этим, не ответив на важнейшие фундаментальные вопросы политической экономии, то вполне можем оказаться в анекдотичной ситуации, когда, уподобившись, например, врачу-дерматологу (который всю медицину сводит исключительно к изучению физиологических функций и строения, а также заболеваний, актуальных для кожи, волос, ногтей, сальных и потовых желез), который, оказавшись на месте страшной автомобильной катастрофы, оценивает не травмы пострадавших, а состояние их кожи, волос, сальных и потовых желез. К счастью для всех нас таких врачей в жизни не бывает, но, к несчастью для человечества, таких экономистов подавляющее большинство. Почему так получилось? У нас есть свой, далеко не самый приятный для заинтересованного читателя ответ на этот вопрос, но начнем по порядку.

Результаты и их обсуждение

Экономика рисков – это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. В отличие от традиционных экономических рисков как возможности потерь хозяйствующими субъектами вследствие рыночной неопределенности или вмешательства государства в экономическую деятельность, являющихся атрибутивными признаками рыночной экономики, в современной экономике риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе непредсказуемы – «черные лебеди», «эффект сверхуверенности» и т.д.

Нами уже неоднократно отмечалось, что «современная экономика перестает быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века» [2, с. 23]. Радикальное изменение механизмов организации обмена между производителями и потребителями. Рыночный сегмент, длительное время господствующий в экономически развитых странах, становится периферийным. Для пострыночной экономики характерно наличие высокоэффективного промышленного производства, значительное увеличение доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие интернет-технологий и новые (пострыночные) формы конкурентной борьбы. Последние уже давно стали предметом изучения не только ученых экономистов, но и других обществоведов и гуманитариев. Так, например, Т.В. Солодовникова соглашается с тем, что «происходящая сегодня радикальная трансформация национальных экономик и мировой экономики в целом, сопровождающаяся формированием посткапиталистического общества, была вызвана технологической и информационной революциями. Активно развиваются принципиально новые формы конкуренции, в том числе направленные на нелетальное разрушение конкурентов (подрыв его имиджа, доверия к нему и т.д.)» [3, с. 44].

Собственно говоря, важным отличием рыночной экономики от пост-рыночной и выступают новые общественно-функциональные технологии, применяемые в конкурентной борьбе. Прежде всего, это общественно-функциональные технологии (информационное оружие), направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов и ориентированные на противодействие этому разрушению.

В настоящее время общественно-функциональные технологии, направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов, из сферы военно-политического противостояния естественным образом пришли в сферу политико-экономической конкуренции. В литературе все чаще и чаще стали встречаться новые понятия – «информационное оружие» и «информационная война», которые, в сущности, означают революцию не только в военном искусстве, но и в сфере компьютерно-информационных технологий. Часто за этим скрываются принципиально новые формы противоборства, в которых победа, «подавление противника» будет достигаться не с помощью классического (даже ядерного) оружия и традиционных способов ведения войны, а путем массированного использования информационного оружия. Многие аналитики технологических развитых стран считают этот вид оружия «решающим фактором владения современным миром». Национальные информационные ресурсы сегодня составляют все большую долю национального богатства в развитых странах. «Информационное оружие», сейчас называют «троянским конем XXI века».

Появление информационного пространства привело к появлению желающих не только поделить это пространство, но и контролировать и управлять процессами, в нем происходящими. Для этого используется так называемое технико-ориентированное информационное оружие, которое подразделяется на то, которое направлено против компьютерных систем и способствует всяческой трансформации информации в пользу информационного агрессора. Оно выступает в таком случае в качестве средства уничтожения, искажения или хищения информации; средства преодоления систем защиты; средства ограничения допуска законных пользователей; средства дезорганизации работы технических средств, компьютерных систем. В отличие от технико-ориентированного информационного оружия, информационное оружие как общественно-функциональная инновация представляет собой такой вид информационного оружия, который подвергает воздействию определенные группы социальных субъектов с целью навязывания им нужного манипулятору социально-экономического поведения.

Возникновение кибернетического пространства ознаменовало собой начало эпохи информационных войн. Это можно объяснить тем, что с появлением все более и более усовершенствованных компьютерно-информационных технологий ведение информационной войны становится в разы быстрее и является более эффективным воздействием на социум.

Так как хозяйствующий субъект уничтожается нелетально, а значит победа в информационной войне является «алгоритмически неразрешимой проблемой». Самая главная задача применения информационного оружия состоит в том, чтобы заставить противника направить имеющиеся у него средства, в том числе технические, против самого себя. Информационное оружие второго типа направлено против социальных субъектов и включает в себя «не силовые» методы борьбы – такие, например, как сборка, так и разборка социального субъекта.

Для сборки и разборки социального (квази-социального) субъекта сегодня используется информационное оружие, под которым понимается средство ведения современной нелетальной войны. Оно обеспечивает идентификацию и поражение противника с помощью информационных концентраторов различных конструкций (традиционное СМИ, сетевые гипертекстовые концентраторы и т.п.). Позволяет оказать влияние на социальный субъект, приводящее к блокированию его социальных действий (социальной активности). Позволяет эффективно перераспределять (переделять) материальные ресурсы (изменить отношения собственности) без нанесения повреждений самой собственности. В результате чего «современная экономика становится критически зависимой от возможности определенными социально-экономическими субъектами (социальными группами) манипулировать поведением больших масс людей в своих эгоистических (эгональных – С.С.) интересах» [4, с. 126].

Если посмотреть на процессы сборки и разборки социального субъекта через призму категории «экономика рисков», то становится очевидным, что в данном случае идет речь не только о нарушении рыночных принципов ценообразования, т.е. о значительном сокращении сферы применения закона спроса и предложения в хозяйственной практике, но и о нарушении законов образования и эволюции социальных классов, когда высшие классы могут навязывать средним и низшим классам свою идеологию, свою мораль, свои интересы. Иначе говоря, «класс в себе» не может стать «классом для себя» (К. Маркс), или в терминологии М. Вебера «класс» не может стать «социальным классом». А это значит, что классовая борьба, а ее никто не отменял, становится латентной и непредсказуемой [5]. В результате серьезно трансформируются социально-трудовые отношения и механизмы согласования экономических интересов, частично они становятся симулякрами, тем самым повышая непредсказуемость хозяйственной деятельности, порождают серьезные политико-экономические и технологические риски. Ж. Бодрийяр писал по этому поводу: «Традиционно инфляция и безработица составляют переменные, входящие в уравнение роста: на этом уровне кризиса нет – есть лишь неупорядоченные процессы, а сама неупорядоченность является тенью органической целостности. Ныне аномалия приобретает весьма тревожный характер. Она – не явный симптом, а странный знак упадка, нарушения правил какой-то тайной игры или, по

меньшей мере, чего-либо, нам неизвестного [1, с. 50]». Далее он приводит еще один пример: «И безработица тоже изменила смысл. Это уже не стратегия капитала (резервная армия), не критический фактор в игре социальных отношений. Иначе, при том, что напряженность уже превзошла все пределы, безработица привела бы к неслыханным потрясениям» [1, с. 51]. Отсутствие четких правил игры в социально-классовых отношениях, поскольку у подавляющего большинства социально-классовых образований современного общества отсутствует «классовое» сознание, привело сегодня к росту популистских партий. Эти партии ориентируются не на объективные политико-экономические интересы, а на потребностные ожидания, что само по себе усиливает неопределенность и риски в экономической политике.

Значительный вклад в превращение традиционной капиталистической экономики в экономику рисков принадлежит глобальным спекулятивным финансам. То, что в последние двадцать лет значительно повысилась неустойчивость мировой экономики, прежде всего, связано с изменением в ней роли и функций финансов, а также значительным усилением глобальной финансовой неустойчивости. Причем в основе последней лежит «изменение природы и роли финансов: из обеспечивающих и обслуживающих экономику они стали доминирующими над экономикой, – отмечает М.А. Сажина. – Более того, работая преимущественно на себя, они действуют глобально. Оторванные от своего материального носителя, глобальные виртуальные финансы постоянно движутся, причем с очень высокой скоростью: за секунду миллиарды долларов, а за день триллионы долларов могут сменить своих собственников. В результате для виртуальных денег характерна постоянная смена субъекта собственности и размытость диффузия прав собственности. Вследствие этого они потеряли такую характерную черту, как управляемость, выключились из процесса рыночного саморегулирования, усилили риски и придали экономике черты нестабильности» [6, с. 32]. Современные глобальные финансы значительно нарушают действие рыночных законов в планетарном масштабе. Причем это нарушение намного больше, чем то нарушение, которое наблюдалось в период после Второй мировой войны от хозяйственной деятельности всех социалистических стран. Ж. Бодрийяр писал по этому поводу: «Есть нечто другое, гораздо более ошеломляющее, чем инфляция. Это – оборот денежной массы, охватывающий Землю своей круговой орбитой» [1, с. 50]. Гносеологическое осмысление новой роли финансов во многом затруднено (помимо того, что современные глобальные финансы – это принципиально новое явление в экономической истории) еще и тем, что на региональном и страновом уровне финансы в ряде случаев продолжают выполнять свои традиционные функции.

Результаты деятельности глобальных финансов в условиях отсутствия действенных межстрановых институционально-финансовых фильтров (ба-

рьеров), защищающих национальные экономики от спекулятивных атак глобальной финансовой системы, могут очень быстро разрушить национальный промышленный комплекс, сельское хозяйство и в целом сложившийся в данной стране уклад хозяйственной жизни. При этом «нарушаются не только сложившиеся макроэкономические пропорции, но и возникают новые диспропорции. Среди них: разрыв между инвестициями и сбережениями, появились страны с хроническим дефицитом и хроническим профицитом текущих статей платежного баланса, растет задолженность, учащаются и усиливаются финансовые кризисы» [6, с. 32]. При этом основой глобальной финансовой неустойчивости является долларизация мировой экономики. В период золотого обеспечения доллара как основной резервной валюты это во много отражало политико-экономические реалии второй половины сороковых – начала семидесятых годов прошлого века, когда сразу после Второй мировой войны США производили 56% мирового промышленного и сельскохозяйственного производства и обладали примерно 70% мирового запаса золота.

После отказа от золотого обеспечения доллара США получили возможность «проводить фактически ничем не ограниченную эмиссию доллара, стимулировать внутренний спрос в стране, не обеспечивая его реальным ростом экономики. В конечном счете, это привело к чрезмерному увеличению денежной массы резервной валюты и к снижению ее эффективности. В результате США сняли с себя и со своих банков всякие обязательства за эмитируемые ими доллары» [6, с. 32]. Как результат, чтобы уменьшить свои финансовые риски все страны – владельцы долларовых валютных резервов, помещали их на счета американских банков, а у последних возникла проблема, как размещать эти лишние доллары, которые изначально не были востребованы американским рынком. «Банки пустились финансировать «пузыри» на фондовом рынке, раздавать дешевые ипотечные кредиты практически без всякого контроля за заемщиками, осуществлять льготное кредитование диктаторских режимов в мире. Но самое негативное следствие этих действий состоит в том, – справедливо отмечает М.А. Сажина, – что американские финансовые институты стали формировать международные «горячие деньги», которые начали кочевать по фондовым и валютным рынкам разных стран, усиливая их цикличность, ввергая в постоянные подъемы и кризисы» [6, с. 32]. Эти «горячие деньги» в основе относятся к фиктивному капиталу, который работает на воспроизводство самого себя, опровергая самим своим существованием и теорию стоимости, и закон спроса и предложения и многое другое. Ж. Бодрийяр в свое время справедливо утверждал, что «надежда примирить фиктивную экономику с реальной утопична: эта свободно обращающиеся миллиарды долларов невозможно переместить в реальную экономику, что, впрочем, является большой удачей, ибо если бы каким-то чудом они оказались вложены в производство, это стало бы настоящей катастрофой» [1, с. 43].

Проблема глобальных финансов не может быть раскрыта в рамках одной статьи, да это и не является нашей задачей. Исходя из цели нашего исследования, нам в данном случае важно, что эти глобальные спекулятивные финансы вносят свой значительный «вклад» в возникновение и эволюцию экономики рисков.

Еще одной важной причиной возникновения и сохранения экономики рисков выступает очень высокая неопределенность технико-технологических прогнозов. В результате возникает множество дополнительных рисков на уровне государства и коммерческих организаций, вызванных этой неопределенностью. Рассмотрим это подробнее.

Современная структурная политика в контексте технологической модернизации экономики должна исходить, как справедливо подчеркивают С. Губанов [7], Д. Фролов, И. Полынцев [8, с. 27], из реалистичного системного анализа тенденций развития современных индустрий. «Особенно это касается наиболее динамично развивающихся высокотехнологичных индустрий, обладающих потенциалом утверждения в качестве «ядра» неоиндустриального хозяйства» [8, с. 27]. Для успешной реализации современной структурной политики необходимо наличие и оптимальное сочетание таких важнейших экономических ресурсов как человеческий капитал; социальный капитал; финансовый капитал и материально-вещественный капитал. Все названные формы капитала одинаково важны для проведения новой индустриализации, но в различные периоды может наблюдаться нехватка (дефицит) какого-либо из них. Соответственно, и экономическая эффективность добавления этого фактора будет возрастать. При этом в ряде случаев несколько из названных видов капитала могут одновременно существовать в рамках одной бытийной формы (одного социально-экономического явления). Например, социально-экономическое сообщество является одновременно формой расширенного воспроизводства человеческого и социального капиталов.

Современная структурная политика формируется в условиях глубокого кризиса наноиндустрии [8]. Д. Фролов и И. Полынцев подчеркивают, что «осмысление причин и последствий кризиса наноиндустрии позволит конструктивно скорректировать стратегию ее развития и политику регулирования» [8, с. 27], что позволит скорректировать структурную политику и оптимизировать использование бюджетных ресурсов, направляемых на НИОКР.

Напомним, что «импульсом глобального развития наноиндустрии стало утверждение и начале 2000 г. президентом США Б. Клинтонем первой в мире государственной стратегии в области нанотехнологий – национальной нанотехнологической инициативы» [8, с. 27]. США направили колоссальные ресурсы на финансирование этой стратегии, которые к 2017 г. составили более 24 млрд долл. США [9, р. 25]. В национальной нанотехнологической инициативе «был озвучен прогноз объема мирового рынка

продукции nanoиндустрии – 1 трлн. долл. к 2015 г. Главным эффектом перспективы «триллионного рынка» для нанотехнологий стала боязнь правительств во всем мире пропустить новую технологическую революцию и дать США возможность глобального доминирования в сфере инноваций. Этого было достаточно, чтобы породить сначала в развитых, а затем и развивающихся странах множество стратегических действий по развитию нанотехнологий» [8, с. 27]. В результате «в мире начинается научное соревнование за достижение передовых позиций в нанотехнологиях. Остроту ситуации характеризует стремление США не просто лидировать, а доминировать на этом направлении науки» [10, с. 2]. Д. Фролов и И. Полынцев отмечают, что в результате этого «в большинстве стран были приняты стратегии и программы развития нанотехнологий по аналогии с НИИ (*национальной нанотехнологической инициативой – С.С.*). В результате совокупный объем государственных и частных инвестиций в связанные с нанотехнологиями и наноматериалами исследования и разработки неуклонно увеличивался. Так, в период 1997-2004 гг. данный показатель вырос в 20 раз – с 0,4 до 8,6 млрд долл.» [8, с. 27]. Названные авторы для характеристики этой ситуации приводят в своей работе высказывание американских ученых [11; 12] о том, что «к середине 2000-х гг. конкуренцию стран в сфере nanoиндустрии с полным основанием можно было охарактеризовать как «наногонку», сравнимую с «лунной гонкой» 1960-х гг. и представляющую собой превращенную форму «гонки вооружений» в мирное время» [8, с. 27]. За десять лет после принятия национальной нанотехнологической инициативы правительства во всем мире инвестировали в нанотехнологии свыше 65 млрд долл. [8, с. 28]. «В 2010 г. инвестиции частных компаний впервые превысили вложения со стороны государств: если в 2009 г. корпорации и правительства во всем мире инвестировали в nanoиндустрию по 8,4 млрд долл., то в 2010 г. частный бизнес вложил уже 9 млрд долл., а государственные расходы составили 8,2 млрд долл. По состоянию на 2010 г. лидерами корпоративных инвестиций в сферу нанотехнологий выступали США, Япония и Германия, при этом Россия заняла последнее место в данном рейтинге» [8, с. 28].

На этом фоне возникают *сверхоптимистичные* прогнозы объемов рынка nanoиндустрии «в триллионном измерении, от 1 до 4,4 трлн. долл. (Lux Research, National Scientific Foundation, Cientifica, RNCOS)» [8, с. 28], *умеренно-оптимистичные* прогнозы исчисляют объем рассматриваемого рынка в сотнях миллиардов долларов, от 148 до 750 млрд долл. (European Commission, Wintergreen, MRI, Evolution Capital) и *пессимистичные* (или реалистичные по определению BCC Research) прогнозы измеряют объем данного рынка десятками миллиардов долларов, от 64,2 до 75,8 млрд долл. (BCC Research, Research and Markets)» [8, с. 28–29].

Д. Фролов и И. Полынцев объясняют такой широкий разброс оценок тем, что, во-первых, «речь идет о рынке быстро развивающейся техноло-

гии широкого применения, потенциал которой фактически еще не раскрыт окончательно даже на уровне фундаментальных исследований» [8, с. 29], во-вторых, «в оптимистичных прогнозах учитывается совокупная стоимость продукции, произведенной с применением нанотехнологий и наноматериалов, а не стоимость самих нанотехнологий и наноматериалов, что приводит к завышенным оценкам рынка» [8, с. 29], в-третьих, увлечением многих ученых «построением описательных моделей будущей экономики, основанной на нанотехнологическом укладе, тяготеющих к утопическим или апокалиптическим сценариям. Например, по мнению некоторых исследователей, развитие VI технологического уклада, базирующегося на нанотехнологиях (по классификации С. Глазьева), приведет к возникновению эффекта экономической сингулярности, вследствие которой нанотехнологии проникнут во все виды технологий и фактически поглотят их, а наноиндустрия включит в себя все ранее известные индустрии» [8, с. 30].

М. Кастельс в свое время предупреждал об опасности субъективных завышенных оценок развития новейших комплексных технологий, подчеркивая при этом: «Существенно, таким образом, сохранять дистанцию между оценкой возникновения новых социальных форм и процессов, индуцированных и допускаемых новыми технологиями, и экстраполяцией потенциальных последствий таких событий для общества и людей: только конкретный анализ и эмпирические наблюдения смогут определить исход взаимодействия между новыми технологиями и возникающими социальными формами» [13, с. 78]. Используя эту идею М. Кастельса применительно к развитию наноиндустрии, Д. Фролов и И. Полынцев отмечают: «Как утопические, так и алармистские сценарии развития наноиндустрии достаточно быстро оказались опровергнуты объективной реальностью» [8, с. 30]. Сегодня «сверхоптимистичные ожидания инвесторов (*по поводу развития наноиндустрии – С.С.*) по большому счету не оправдались: индексы нанотехнологических компаний отстают от обычных фондовых индексов, ушла в прошлое мода на добавление приставки «нано» в названия стартапов, интерес общества к нанотехнологиям резко упал, а результатами исследований и разработок в области нанонауки и наноинженерии активно пользуются корпорации, не позиционирующиеся в качестве представителей наноиндустрии <...> По сути, нанотехнологии как радикальная инновация выразились в многочисленных улучшающих изменениях в уже сложившихся отраслях экономики» [8, с. 30–31]. «Снижение инвестиционной привлекательности наноиндустрии, – подчеркивают Д. Фролов и И. Полынцев, – видно по динамике специализированных биржевых индексов» [8, с. 31]. Эти авторы также добавляют, что «многие предприятия наноиндустрии, вышедшие на фондовый рынок в начале и середине 2000-х гг., снизили свою капитализацию в десятки раз» [8, с. 32].

Все это требует в структурной политике отказаться от адресной специализированной модели наноиндустрии и перейти к «зонтичным страте-

гиям развития nanoиндустрии в составе комплексных технологических направлений, например развивающихся (emerging) технологий или STI (наука, технологии и инновации; от англ. *Science, Technology and Innovation*), а также к секторно и проблемно ориентированным стратегиям развития нанотехнологий в рамках более широких стратегий устойчивого роста или развития промышленности» [8, с. 33]. По нашему мнению, следует согласиться с Д. Фроловым и И. Полынцевым в том, что предположение о превращении нанотехнологий в ядро нового технологического уклада не оправдалось [14; 15; 16]. «Вопреки подавляющему большинству прогнозов, нанотехнологии не поглотили все остальные быстро развивающиеся технологии, а, по сути, «растворились» в них. Nanoиндустрия не стала «ядром» нового уклада и де-факто не сложилась как отдельная индустрия. Хотя nanoиндустрия не относится к так называемым быстро развивающимся индустриям (emerging industries), таким как большие данные (big data), биофармацевтика, мобильные технологии и др., анализ показывает, что нанотехнологии тесно связаны с этими индустриями и выступают для них обеспечивающей, инфраструктурной технологией» [8, с. 35-36].

Во многом в результате идеологического влияния социальной парадигмы постиндустриального общества в экономической науке до настоящего времени отсутствуют четкие фундаментальные теоретические представления о том, что же следует понимать под технологической эволюцией. В российской научной литературе эта гносеологическая проблема описывается так: «Известна идея – представить, технологическую эволюцию как смену неких технико-экономических парадигм (К. Перес), в российской более поздней версии – так называемых технологических укладов. Эти вещи ретроспективные, классификационные, это абстрактные схемы, ничего не проясняющие в технологическом развитии, поскольку никто ничего не может сказать о шестом (иногда и о пятом!), не говоря уже о седьмом или восьмом укладе (парадигме). Следовательно, пока точно не установлено, что составляет его основу (уклада), правдоподобно сказать о нем затруднительно, по крайней мере, на коротком отрезке времени. Только обернувшись назад, можно сказать о прошлых этапах, условно подразделяя их на некоторые периоды времени» [17, с. 12-13]. Иначе говоря, достаточно популярная сегодня концепция смены технологических укладов представляет собой ретроспективную концепт-схему.

Однако этой идее придается вес не только как ретроспективной концепции-схеме [17, с. 12-13], а как основе для текущей экономической политики. Так, например, в работе «Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике» [14], вышедшей в 2009 г., отмечается, что «всплеск и падение цен на энергоносители, мировой финансовый кризис – верные признаки завершающей фазы жизненного цикла доминирующего технологического уклада и начало структурной перестройки экономики на основе следующего уклада» [14, с. 17]. Оставляю в

стороне вопрос, почему во время множества других мировых экономических кризисов, регулярно повторяющихся во второй половине XX – начале XXI веков и нередко сопровождаемых всплеском и падением цен на энергоносители (например, мировой кризис 1974-75 гг.) – это не свидетельствовало о смене доминирующих технологических укладов, отметим только, что социальная парадигма смены технологических укладов категорически не описана. О.А. Наумович отмечает по этому поводу: «Однако отсутствие стройных (внутренне непротиворечивых) понятийных рядов негативно сказывается в том плане, что любое, даже самое точное и совершенное определение (если оно не вписано адекватным образом в понятийный ряд, т.е. систему других взаимосвязанных понятий и категорий) не позволяет содержательно решить сложную многоуровневую задачу, не только раскрыть сущность того или иного технологического уклада как социально-экономического феномена, но и как определенной стадии развития человеческого общества, определенного этапа в развитии экономики, определенного этапа в развитии самого общества, жизни людей, политэкономически как феномена, но и одновременно раскрыть те факторы или сущность, почему оно возникло, т.е. его генезис» [18, с. 35]. Сложившаяся в экономической науке постсоветских стран после 1991 г. ситуация отказа многими учеными-экономистами, работающими в конкретно-экономических направлениях, характеризующаяся отказом от теоретико-методологической проработки принципов своих исследований, создала условия для слепого копирования технологической политики западных стран. Например, если западные страны активно развивают наноиндустрию, то и мы будем поступать так же. Ошибочность такого подхода нами была описана выше.

При этом в структурном и технологическом планировании «нужно учитывать текущее состояние базовых технологий» [17, с. 13], поскольку в ситуации резкого отставания от сверхиндустриальных стран базисных машиностроительных технологий, инженерной работы и оказания услуг промышленного характера [19] «никакие рецепты вложений в нанотехнологии не только нельзя назвать обоснованными, но они порождают дополнительные структурные перекосы и не являются отражением той системности действий и развития общих технологий, которые могут потребовать на следующем этапе и нанотехнологий, как неотъемлемого элемента в некотором объеме, который будет задан масштабом и потребностями экономики, ее общей технологичностью» [17, с. 13]. Соглашаясь с этими высказываниями, вместе с тем следует подчеркнуть, что вышеназванные проблемы не могут быть преодолены без теоретического осмысления взаимозависимости экономики рисков технологической неопределенности.

Выводы

В 1960-90-х годах прошлого века в странах золотого миллиарда сформировался новый тип обывателя, обывателя сытого и самодовольного, который в период этих благодатных пятидесяти лет (европейского «золо-

того века»), когда финансовые и политические элиты капиталистических стран были вынуждены, борясь с социалистической идеей, делиться частью своих сверхприбылей со своими согражданами. В результате новый европейский обыватель, вооруженный идеями протестантского фундаментализма и «общечеловеческими» ценностями, не заметил, что социальные лифты в ЕС давно перестали работать, а децильные коэффициенты достигли заоблачных высот, по сравнению с которыми имущественная дифференциация в Римской империи кажется образцом социальной справедливости. Децильный коэффициент в Великобритании сегодня равняется 100! Золотой век в Западной Европе закончился, закончился в ней и период латентных экономических конфликтов. Общественные науки и, в том числе, теоретическая экономика, занятые выполнением социального заказа высших социальных классов (всеми способами поддерживать и совершенствовать либерально-рыночную идеологию, основанную на идеях протестантского фундаментализма), не заметили радикальных политико-экономических изменений – возникновения и быстрого развития экономики рисков. Повторилась ситуация 1929 г., когда большинство западных ученых экономистов «просмотрели» качественные изменения в капиталистической экономике, приведшие к страшному мировому экономическому кризису. И тогда, и сейчас причиной этому стала их идеологическая зашоренность.

Экономика рисков – это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. Эти риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе непредсказуемы и их возможные негативные последствия могут привести человечество к глобальной катастрофе.

Понять природу экономики рисков – значит научиться им противостоять. Без обновления методологии политической экономии это будет невозможно.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с.
2. Солодовников С.Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – 2015. – № 3. – С. 23-34.
3. Солодовникова Т.В. Инструменты подмены оснований в современном экономическом дискурсе // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 43-48.
4. Солодовникова Т.В. Ложная аргументация как инструмент экономического дискурса // Экономические исследования и разработки: научно-исследовательский журнал. – Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука». – 2017. – № 2. – С. 125-143.
5. Солодовников С.Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования. – Минск: БНТУ, 2014. – 378 с.

6. Сажина М.А. Природа современных финансов // Экономические науки. – 2014. – № 9. – С. 25-33.
7. Губанов С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России // Экономист. – 2016. – № 2. – С. 3-10.
8. Фролов Д., Полынцев И. Кризис наноиндустрии и ее будущее // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 27-37.
9. The National Nanotechnology Initiative Supplement to the President's 2017 Budget. National Science and Technology Council. 2016. 104 p.
10. Арский Ю.М. От редакционной коллегии // Индустрия наносистем и наноматериалов. – 2007. – № 1.
11. Hullman A. Who is winning the global nanorace? Nature Nanotechnology. 2006. № 1. P. 81-83.
12. Nanomanufacturing: Emergence and Implications for U.S. Competitiveness, the Environment, and Human Health. Report to Congressional Requesters. United States Government Accountability Office, 2014.
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ. 2000. – 608 с.
14. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике» / С.Ю. Глазьев [и др.]; под ред. С.Ю. Глазьева, В.В. Харитонов. – М.: Тривант, 2009. – 304 с.
15. Глазьев С.Ю. Новый технологический уклад в современной мировой экономике // Международная экономика. – 2010. – № 5. – С. 5-27.
16. Иншаков О.В., Фесюн А.В. Индустрия как форма утверждения, распространения и господства хозяйственного уклада в экономике // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3: Экономика, экология. – 2014. – № 2. – С. 44-53.
17. Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с.
18. Наумович О.А. Смена технологических укладов как социально-экономический феномен // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – 2016. – № 4. – С. 34-38.
19. Мелешко Ю.В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – 2017. – № 6. – С. 64-78.

Поступила в редакцию

13.09.2019

Солодовников Сергей Юрьевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и право», Беларусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Solodovnicov Sergey Yu. – doctor of the economic sciences, professor, Head of the Department «Economics and Law», Belarussian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus.

Беларусь, 220039, г. Минск, пр. Независимости, 65Б
65B, ave. Nezavisimosti, Minsk, 220039, Belarus
e-mail: solodovnicov_s@tut.by